Катарина Кунтер

Был ли третий путь? Всемирный совет церквей в период холодной войны

DOI: https://doi.org/10.22394/2073-7203-2017-35-1-147-163

Katharina Kunter

Was There a Third Way? The World Council of Churches in the Period of Cold War

Katharina Kunter — Researcher (Frankfurt am Main, Germany). katharina.kunter@gmx.de

The World Council of Churches, as well as the ecumenical movement as a whole, were severely criticized after the fall of the "Iron curtain". On the one hand, this organization was accused of loyal politics towards the socialist countries and neglecting the restrictions of religious freedoms. On the other hand, it was accused of active participation in the loss of theological identity of Churches with ancient traditions. This article analyses the development of the World Council of Churches, the change of its theological and social doctrines in the context of ideological opposition between two political blocks, active processes of decolonization in the South and secularization in the West. The author offers an analysis from inside — this helps to understand the values of its leaders, the logic of their actions, the mechanisms of planning and decision-making. Gradual shift of attention of the World Council of Churches in the 1960s to the Third World led to the shift of the theological paradigm of ecumenical movement: now it was more about theology of liberation and emphasis on the image of the "Church for the poor". This shift created more opportunities for dialogue with representatives of Churches from the socialist camp.

Keywords: World Council of Churches, Cold War, ecumenical Christianity, religious freedom, social rights.

Протестантский теолог из Нидерландов Лауренс Хогебринк, в течение многих лет входивший в различные экуменические структуры в Европе, недавно, оглядываясь назад, самокритично заявил:

Сегодня не вызывает сомнений тот факт, что коммунистические режимы существенно препятствовали церковной жизни Восточной Европы в течение сорока лет холодной войны, а в бывшем Советском Союзе на протяжении даже семидесяти лет. Менее очевидно, какой ущерб это нанесло экуменическому христианству. В то время не было осознано, что после «перелома» 1989 года в Европе экуменическое христианство оказалось перед новым этапом[1].

Хогебринк — один из немногих активных протестантских деятелей экуменического движения, который не только предчувствовал будущие политические изменения в Центральной и Восточной Европе, но и имел многочисленные — и не только официальные — контакты в церковной среде этой части мира. В своем заявлении он поднял сложную для экуменизма тему. Согласно его критическому замечанию, проблема заключалась не только в том, что центрально- и восточноевропейские церкви стали инструментами проведения социалистической партийной политики и были крайне стеснены в собственных действиях. Системный конфликт между Востоком и Западом и биполярная политическая структура эпохи холодной войны ограничивали возможности для деятельности экуменических институтов — таких как Всемирный совет церквей, Конференция европейских церквей или конфессиональные ассоциации, вроде Всемирной лютеранской федерации. Все эти организации являются составляющими выросшего в мировом протестантизме и институционально оформленного в середине XX в. экуменического движения с центром в Женеве.

Состояние исследований[2]

Позиция Хогебринка даже спустя двадцать пять лет после окончания холодной войны не утвердилась в экуменическом дискур-

1. Hogebrink, L. (2007) “Ökumene und Kalter Krieg. Ein Erfahrungsbericht”, in J. Garstecki (Hg.) *Die Ökumene und der Widerstand gegen Diktaturen. Nationalsozialismus und Kommunismus als Herausforderung an die Kirchen*, S. 190. Stuttgart.
2. Далее излагаются основные положения моих предыдущих работ о Всемирном совете церквей и даются ссылки на эти работы.

се. Это касается как внутренней, церковно-экуменической историографии, так и научных исследований.

Сегодня не существует общей эмпирически обоснованной и исторически аргументированной концепции, характеризующей экуменическое христианство и церкви в период холодной войны — от окончания Второй мировой войны и до 1991 г. Единственной попыткой такого рода является исследование 1992 г. Оуэна Чедвика «Христианская Церковь в период холодной войны», которое, хотя и не базируется на архивных исследованиях, дает панорамный надконфессиональный портрет христианства в период конфликта между Востоком и Западом во второй половине XX в.[3] Наибольшую дискуссию о роли Всемирного совета церквей вызвало трехчастное исследование, осуществленное Герхардом Безиром, Армином Бойенсом и Герхардом Линдеманном, которое было опубликовано в 1999 г. под названием «Национальный протестантизм и экуменическое движение. Деятельность Церкви в годы холодной войны 1945–1990»[4]. Не углубляясь в детали, следует отметить, что речь в данном случае идет не об обзорном исследовании, а об отдельных статьях, посвященных Евангелической церкви в Германии и Всемирному совету церквей в период с 1948 г., тематическому сюжету «протестантизм, коммунизм и экуменизм в США» и отношениям между Христианской мирной конференцией и Всемирным советом церквей. Сегодня очевидно, что до конца 1990-х имел место краткий «бум» международных исследовательских проектов, посвященных роли церкви и экуменического христианства в период холодной войны. В Германии изучали прежде всего роль церкви в ГДР, а также двусторонние германо-германские (ФРГ — ГДР) церковные отношения с учетом роли экуменического движения. Кроме того, необходимо упомянуть международный проект, направленный на изучение протестантизма в Восточной Европе в разные эпохи коммунистического правления, в котором так или иначе затрагивался вопрос о двойственной роли экуменизма и ВСЦ[5]. Отдельные про-

3. См.: Chadwick, O. (1992) *The Christian Church in the Cold War*. London.

4. Besier, G. (1999) *Armin Boyens und Gerhard Lindemann, Nationaler Protestantismus und ökumenische Bewegung. Kirchliches Handeln im Kalten Krieg 1945–1990*. Berlin. О дискуссии см., помимо прочего, обзор литературы: Bremer, T. (2003) "Die ökumenische Bewegung während des Kalten Krieges — Eine Rückschau", *Theologische Revue* 99: 177–190.

5. См., например: Maser, P., Schjørring, J.H. (Hgg.) (2002) *Zwischen den Mühlsteinen. Protestantische Kirchen in der Phase der Errichtung der kommunistischen Herrschaft*

екты и исследования на тему экуменизма и церквей в годы холодной войны осуществлялись на теологическом факультете университета Хельсинки[6] и были сосредоточены на внешних связях Финской лютеранской церкви и процессах взаимодействия с церквами стран социалистического лагеря в церковной и теологической сферах.

Помимо международных проектов 1990-х гг. в этой области проводились локальные церковно-исторические либо чисто исторические исследования[7]. При этом структура, миссия, сложные вопросы организации и специфика дискурса ВСЦ оставались малопонятными для стороннего наблюдателя.

Задача данной статьи — дать представление о роли Всемирного совета церквей в годы холодной войны. Для этого автор предполагает остановиться на сюжетах, посвященных (1) возникшей с момента основания ВСЦ в 1948 г. дилемме «экуменическое христианство между Востоком и Западом» на ранних этапах холодной войны (конец 1940-х–1950-е гг.), (2) положению ВСЦ в период «разрядки» с конца 1960-х гг. и (3) вопросу о политической инструментализации ВСЦ во время холодной войны.

im östlichen Europa. Erlangen; Schjørring, J.H., Lehmann, H. (Hgg.) (2003) *Im Räderwerk des real existierenden Sozialismus. Kirchen in Ostmittel- und Osteuropa von Stalin bis Gorbatschow*. Göttingen; Maser, P., Schjørring, J.H. (Hgg.) (2003) *Wie die Träumenden? Kirchen in der Phase des Zusammenbruchs der kommunistischen Herrschaft im östlichen Europa*. Erlangen; Kunter, K., Schjørring, J.H. (Hgg.) (2007) *Die Kirchen und das Erbe des Kommunismus. Die Zeit nach 1989 — Zäsur, Vergangenheitsbewältigung und Neubeginn. Fallstudien aus Mittel- und Osteuropa und Bestandaufnahme aus der Ökumene*. Erlangen.

6. Из недавних публикаций см.: Laine, A.T. (2015) *Ecumenical Attack against Racism: The Anti-Racist Programme of the World Council of Churches, 1968–1974*. Helsinki; Peipponen, M. (2012) *Ecumenical Action in World Politics. The Creation of the Commission of Churches on International Affairs (CCIA), 1949–1949*. Helsinki; Merilainen, J. (2012) "Whose Dollars, his Religion": The WCC, the LWF, and the Reconstruction of European Protestantism in the Early Cold War years, 1945–1948", *Communio viatorum* LIV: 14–24; Meriläinen, J. (2010) "Die finnischen Orthodoxen "zu Diensten der Regierung der Vereinigten Staaten": Patriarch Athenagoras als Botschafter des Westens 1949", *Kirchliche Zeitgeschichte* 23: 290–303; Ferner die Aufsatzsammlung "Christliche Beiträge zur Europäischen Integration — Die politische Rolle der Kirchen" (2006), *Kirchliche Zeitgeschichte* 19; McLeod, H., Saarinen, R., Lauha, A. (2006) *North European Churches. From Cold War to Globalisation*. Tampere.

7. См., например: Hedwig, R. (2011) "Der Protestantismus und das linksrevolutionäre Pathos. Der Ökumenische Rat der Kirchen in Genf im Ost-West-Konflikt in den 1960er und 1970er Jahren", *Geschichte und Gesellschaft* 36: 408–436; Kirby, D. (Hg.) (2003) *Religion and the Cold War*. Basingstoke; Greschat, M. (2000) "Ökumenisches Handeln der Kirchen in den Zeiten des Kalten Krieges", *Ökumenische Rundschau* 29: 7–25.

Холодная война как метаистория Всемирного совета церквей

ВСЦ представляет собой крупное объединение церквей, основанное в августе 1948 г. в Амстердаме в начальной фазе холодной войны. Входящие в его составе 349 церквей представляют собой широкий спектр конфессий, включающий в себя как множество различных протестантских церквей всего мира, англиканскую и православные церкви, так и пятидесятническое движение (Католическая церковь не входит в состав ВСЦ). Всемирный совет церквей охватывает более 140 стран на всех шести континентах и представляет более чем 572 млн. христиан, большая часть которых является уроженцами Европы. ВСЦ — это и международная организация, в деятельности которой отразились многочисленные события и конфликты политической и церковной истории второй половины XX в.

Собственно холодная война сформировала своего рода метаисторию Всемирного совета церквей, поскольку антагонизм между Западом и Востоком в его различных фазах порождал серьезные споры и противоречия в ВСЦ и в значительной степени определял направленность его решений. Это проявилось уже в ходе учредительной Ассамблеи ВСЦ в августе 1948 г. в Амстердаме. Тогда в третьей секции, посвященной мировым нестроениям, ключевые тексты двух главных докладчиков — представителя американской внешней политики Джона Форстера Даллеса и чешского теолога Йозефа Громадки — продемонстрировали новую биполярность мира. Они изложили два диаметрально противоположных понимания того, каким путем должны пойти церкви и экуменическое христианство в ситуации растущей напряженности между Востоком и Западом[8]. Если Даллес ратовал за свободное общество и права человека и предостерегал христиан против коммунизма и внутренне присущего ему тоталитаризма, то Громадка называл буржуазный, капиталистический Запад главной причиной национализма и фашизма 1930-х гг. и последовавшей за этим катастрофы Второй мировой войны. Он связывал свои надежды на обновление с новыми социальными движениями, идущими с Востока: с социализмом и коммунизмом. Какой же путь должно было тогда избрать экуменическое христианство? Всемирный совет церквей, вдохновленный концепцией швейцарского теолога Карла Барта, выступил

8. *Die Unordnung der Welt und Gottes Heilsplan. Ökumenischer Rat der Kirchen* (1948). Tübingen/Stuttgart.

в Амстердаме за некий независимый от обеих сверхдержав — США и СССР — «третий путь», сформулировав это следующим образом:

> Христианская Церковь должна отказаться от идеологий обеих стран — от коммунизма и нерегулируемого капитализма — и стремиться к тому, чтобы освободить людей от заблуждения, будто эти идеологии являются единственной альтернативой. Они обе дали обещания, которые они не могут сдержать... На христианах лежит ответственность за поиск новых созидательных решений, которые не допустят попрания справедливости и свободы с обеих сторон[9].

Вопрос о том, мог ли в самом деле существовать такой «третий путь» в условиях биполярного мира, оставался для Всемирного совета церквей ключевым и открытым в течение всей второй половины XX в. Так, во время более поздних дискуссий в ВСЦ по правам человека и религиозной свободе в Центральной и Восточной Европе, а также по поддержанию мира в Европе выяснилось, что эти темы нельзя обсуждать и прорабатывать независимо от политических контекстов, в которых находятся представители церквей. Для Всемирного совета церквей эти вопросы стали своеобразным испытанием на прочность и во многом парализовали смелые инициативы и попытки достижения солидарности.

Всемирный совет церквей в эпоху разрядки

Смерть Сталина в 1953 г. изменила политический климат в Восточной и Западной Европе. Долгая, жестокая эра сталинских преследований и репрессий подошла к концу, и преемники Сталина Н. Хрущев и Л. Брежнев обещали проводить новый политический курс. Идеи «мирного сосуществования» Запада и Востока и «разрядки напряженности» между ними утвердились в качестве новой предпосылки социалистической внешней политики, центральным элементом которой стало признание статус-кво в Европе. Обе сверхдержавы, СССР и США, вынуждены были принять реальность разделенной Европы. На политическом уровне решающую роль при этом сыграли многосторонние Европейские конференции по безопасности, в которых приняли участие 35 стран, включая США и Канаду. Они начали проводиться

9. Ökumenischer Rat der Kirchen (Hg.) (1949) *Amsterdamer Dokumente. Berichte und Reden auf der Weltkirchenkonferenz in Amsterdam 1948*, s. 55. Bethel.

с 1973 г. и впоследствии стали известны как «Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе» (СБСЕ). Их итогом стало подписание Хельсинкского заключительного акта в 1975 г, ознаменовавшего начало новых внутриевропейских процессов.

На этом фоне церкви в Европе и экуменическое движение корректировали направления свой деятельности. Хельсинкский процесс открыл новые возможности для контактов между Востоком и Западом, которые отныне –медленно, но неуклонно — становились легче и доступнее. Впервые за послевоенный период почти все восточноевропейские церкви получили возможность отправлять делегатов на экуменические встречи за границу. Это существенно изменило климат экуменических конференций и одновременно привело к усилению «профессионализации» деятелей экуменического движения. Изначально предложенная Советским Союзом концепция «мирного сосуществования» двух противостоящих друг другу систем определяла отныне бесчисленные экуменические встречи, заседания, собрания и конференции. Тема конфликта между Востоком и Западом стала стержнем новой совместной деятельности. При этом церковные деятели, представлявшие религиозные организации Восточного блока, будучи подчеркнуто лояльными по отношению к своим государствам, дискутировали на очень абстрактном уровне преимущественно о различных теологических проблемах, таких как секуляризация или всеобщий мир. Острые же проблемы, вроде конкретных нарушений прав человека или же повседневных репрессий в отношении христиан в социалистических странах, как правило, исключались из круга обсуждаемых тем. Следует также учитывать, что начиная с 1970-х гг. внутри западных церквей постепенно сходит на нет антикоммунистический дискурс, доминировавший в них в 1950–1960-е гг. Одновременно на Западе перестают привлекать внимание общественности репрессии и ограничения, которым систематически подвергались христиане в Восточной Европе. В то же время политика разрядки способствовала появлению новой перспективы партнерства и готовности учиться друг у друга. Участники с протестантской стороны всерьез воспринимали диалог между Востоком и Западом как концепт и практику, которые могут служить упрочнению мира[10].

10. См., например: Overmeyer, H. (2005) *Frieden im Spannungsfeld zwischen Theologie und Politik. Die Friedensthematik in den bilateralen Gesprächen von Arnoldshain und Sagorsk*. Frankfurt a.M.

Всемирный совет церквей с самого начала поддерживал различные церковные инициативы, связанные с общеевропейским процессом разрядки, что подтверждается официальными источниками 1972–1973 гг.[11] Опасаясь попытки быть инструментализированными в условиях разрядки со стороны обеих мировых сверхдержав, члены Комиссии церквей по международным делам (Commission of the Churches on International Affairs, CCIA), отдела ВСЦ по внешней церковной политике, включились в европейское обсуждение прав человека в рамках Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. Примером реализации этой стратегии может служить состоявшееся в 1973 г. в австрийском городе Санкт-Пёльтен совещание ВСЦ «Права человека и христианская ответственность», в ходе которого был сформулирован перечень основных прав человека. Этот повсеместно принятый в экуменических кругах подход был явной попыткой выйти за пределы западного либерального и индивидуалистического понимания прав человека[12]. Значение этой политики и одновременное влияние Хельсинского заключительного акта стали очевидны на Пятой Ассамблее ВСЦ в Найроби в декабре 1975 г. После того как верующие из СССР — священник Глеб Якунин и мирянин Лев Регельсон — в открытом письме к ВСЦ предложили последнему публично осудить нарушения религиозных свобод в СССР, вспыхнул конфликт[13]. Официальные представители Русской православной церкви восприняли обсуждение этого сюжета как нападки на свою страну, подчеркнув, что они такое решение не поддержат, и пригрозив выходом из ВСЦ. С другой стороны, Всемирный совет церквей подвергался усиленному давлению со стороны западных СМИ. В сдержанности ВСЦ по отношению к нарушениям прав человека в СССР усматривали, прежде всего в консервативных церковных и политических кругах Западной Европы, молчаливое одобрение или терпимость по отношению социалистической и коммунистической политике. Всемирный совет церквей обвиняли в том, что он выступает против расизма и расовой сегрегации в Южной Африке, однако молчит о нарушениях прав человека на Востоке.

11. См. *Human Rights and Christian Responsibility* (1975). Geneve: Commission of the Churches on International Affairs (CCIA).

12. См. Ibid.

13. Подробнее см.: Kunter, K. (2000) “Die Schlussakte von Helsinki und die Diskussion im ÖRK um die Verletzung der Religionsfreiheit in Ost- und Mitteleuropa 1975–1977”, *Ökumenische Rundschau* 49: 43–51.

После продолжительных дискуссий тогдашний генеральный секретарь ВСЦ карибский методист Филипп Поттер предложил сформулировать спорную часть итоговой резолюции таким образом, чтобы она была приемлемой и для представителей Русской православной церкви. В результате было принято лишь одно небольшое примечание, гласившее, что Ассамблея отвела «значительную» часть времени обсуждению предполагаемого неприятия религиозной свободы в СССР (в оригинале: «alleged denials of religious liberty»)[14]. В конце резолюции был также сформулирован абстрактный тезис, что экуменизм объединяет христиан из обоих политических лагерей Европы, и поскольку они суть члены Тела Христова, им не следует молчать, когда в этом мире возникают проблемы, однако обоюдные действия должны быть выражением христианской любви.

Дебаты в Найроби продемонстрировали широкой общественности, насколько политически конфликтным оказалось обсуждение в ВСЦ темы прав человека и религиозной свободы в Центральной и Восточной Европе. Различные стратегии, избранные членами экуменического движения при выстраивании отношений с церквами — членами ВСЦ из Центральной и Восточной Европы, препятствовали выработке четкой и единой позиции. Одну из сторон представляли те члены ВСЦ, которые выступали за открытое обсуждение нарушений религиозной свободы в СССР и в других восточноевропейских государствах; среди них были, например, генеральный секретарь Нидерландской реформатской церкви (Nederlandse Hervormde Kerk) Альберт ван ден Хёвель, директор отделения ВСЦ «Вера и порядок» Лукас Фишер, а также представители швейцарского института «Вера во Втором мире» и британского «Кестон-колледжа». В письмах и публичных выступлениях они пытались привлечь внимание ответственных политиков к советским религиозным диссидентам, преследуемым или арестованным членам церкви, с которыми старались установить контакты. Их усилия в рамках ВСЦ увенчались успехом: под их давлением Всемирный совет церквей после Ассамблеи в Найроби организовал в Монтрё в 1976–1977 гг. два больших совещания СБСЕ, посвященных содержанию и применению Заключительного хельсинского акта и нарушениям религиозной свободы.

Этот резко конфронтационный подход подвергался массированной критике, в том числе со стороны Леопольдо Ниилуса

14. Ibid., S. 44.

и Двайна Эппса, влиятельных фигур Комиссии церквей по международным делам (КЦМД). С их точки зрения, важнее было усиление официальной позиции Русской православной церкви, ибо в противном случае церковное сообщество могло быть уничтожено, что принесло бы пострадавшим больше вреда, чем пользы[15]. К тому же в КЦМД предпочитали рассматривать вопрос религиозной свободы в общем контексте прав человека и в глобальном ракурсе, а не как отдельный или первостепенный вопрос, поскольку это могло вызвать со стороны стран третьего мира упрек в европоцентризме[16].

После двух совещаний 1976–1977 гг. в Монтрё, посвященных роли церквей в СБСЕ-процессе, постепенно определились будущие направления соответствующей политики ВСЦ. В соответствии с ними следовало отказаться от публичной критики и противостояния с Русской православной церковью и другими церквами социалистических стран, поскольку это только усиливало бы существующее разделение. Напротив, церквам из стран Центральной и Восточной Европы предоставлялась возможность активнее участвовать в экуменическом диалоге. В итоге работа ВСЦ над формированием позиции в правозащитной сфере, основанной на представлении об универсальной ценности индивидуальных прав человека, потерпела крах. Вместо этого в Женеве говорили теперь о том, насколько необходима «глобализация» экуменического движения за права человека, и подчеркивали при этом взаимозависимость индивидуальных и социальных прав.

Границы пространства для маневров и глобальные измерения

Описанные процессы ставят вопрос о пространстве для маневров, которым могли пользоваться участники экуменического движе-

15. См., например, письма Леопольдо Ниилуса от 13.02.1976 и 07.07.1976: Archiv der CCIA/Helsinki-Colloquium-July 1976/Correspondence and Archive of the Commission of Churches for International Affairs (Geneve)/Helsinki Colloquium Montreux July 24.-28.7.1976.

16. В Меморандуме от 28 мая 1975 г. Двайн Эппс подчеркивал: «Поистине невероятно, насколько мало внимания люди уделяют в Европе и, если позволите, особенно в Восточной Европе некоторым из глобальных измерений тех шагов, которые предпринимаются сегодня в направлении безопасности и сотрудничества в Европе. Третий мир не воспринимает это как дар, принесенный ему щедрыми северянами» (Archiv der CCIA/Helsinki-Colloquium Background Materials pre 1976). См., кроме того, Koshy, N. (1992) *Religious Freedom in a Changing World*. Genf.

ния. Сегодня мы гораздо полнее, чем в 1990-е годы, представляем себе, насколько скрупулезно представители церквей из социалистических стран следовали политическим указаниям властей, выступая на экуменической арене и рассматривая Всемирный совет церквей как площадку для пропаганды социалистической внешней политики. Лишь крайне редко, в исключительных случаях, они могли участвовать в экуменических встречах или устанавливать экуменические контакты без надзора и руководства со стороны государства. Это касается в первую очередь представителей православных церквей из коммунистических стран. Совсем недавно глава Украинской православной церкви Киевского патриархата Филарет заявил, что все иерархи Русской православной церкви сотрудничали с КГБ[17].Те же сведения в отношении Болгарской православной церкви приводит Момчил Методиев в своем обширном исследовании, основанном на архивных материалах[18].

Однако одной тесной связи восточных церквей с государством и секретными службами недостаточно для объяснения восточной политики Всемирного совета церквей и его демонстративного молчания о положении с правами человека в Советском Союзе, начиная с 1960-х годов. Возможно, левые церковные интеллектуалы поддались моде на «социализм» и по наивности или в силу идеологической мотивации закрывали глаза на гонения, которым подвергались христиане Центральной и Восточной Европы? Выдвинутый немецким историком Хедвигом Рихтером тезис о том, что эта слепота стала результатом оформившегося нового легитимирующего мифа о «революции» и «переменах», убеждает в этом только отчасти[19]. Дело в том, что за исходный пункт своей аргументации Рихтер взял секуляризацию западных обществ. Однако нужно иметь в виду, что голоса сторонников демократического социализма, участия церкви в революционных преобразованиях или ориентированной на неимущих теологии освобождения, громко звучавшие во Всемирном совете церквей с конца 1960-х

17. G2W News от 19 марта 2012 г., Украина, патриарх Филарет: «Все епископы сотрудничали с КГБ».

18. Metodiev, M. (2010) *Between Faith and Compromise. The Orthodox Church and the Communist State in Bulgaria*. Sofia; Leustean, W.L.N. (ed.) (2010) *Eastern Christianity and the Cold War 1945–1991*. New York.

19. Richter, H. (2011) “Der Protestantismus und das linksrevolutionäre Pathos. Der Ökumenische Rat der Kirchen in Genf im Ost-West-Konflikt in den 1960er und 1970er Jahren”, *Geschichte und Gesellschaft* 36: 408–436.

гг., шли из среды представителей стран «третьего мира», где церкви и религия не вступили в фазу легитимации, потребность в которой возникла в связи с секуляризацией[20].

Осознание этого вынуждает задаться вопросом о том, насколько вообще исторически адекватно понимается холодная война в существующих на сегодняшний день исследованиях по истории экуменизма. В большинстве исследований вполне законно подчеркивается, прежде всего, дихотомия Востока и Запада, понимаемая с европейской точки зрения. Наряду с этим сформировались утверждения, которые серьезно ограничивают возможность вписать историю ВСЦ в международный контекст. Ярким примером является представление о том, что конфликт между Востоком и Западом, начиная с 1960-х годов, был вытеснен из экуменической повестки конфликтом между Севером и Югом; или тезис о том, что холодная война была конфликтом Севера, а потому, с перемещением акцентов на церкви Юга и на сюжеты, связанные с их развитием, она неизбежно должна была утратить свое значение для экуменического движения[21]. Но такие объяснения представляются слишком слабыми. На самом деле холодная война послужила катализатором почти всех войн и военных конфликтов в странах «третьего мира» (например, войн в Корее, Индокитае, Вьетнаме, Анголе, Конго, а также в Латинской Америке). Помимо прочих факторов — таких как распад колониальной системы, возникновение национально-освободительных движений, исторически сложившихся этнических напряжений или локальных соперничеств — понятие «третьего мира», которое могло бы стать нейтральным и независимым по отношению к «первому» и «второму», коренилось непосредственно в системной идеологической конкуренции между СССР и США. Как ООН стала с 1960-х годов публичной политической площадкой для движения неприсоединения, так и ВСЦ объединял многочисленных представителей церквей «третьего мира» из Азии, Африки и Латинской Америки, которые считали себя антиколониальной, но политически

20. Об этом и в дальнейшем см. подробнее в: Kunter, K., Schilling, A. (Hg.) (2014) *Globalisierung der Kirchen. Der Ökumenische Rat der Kirchen und die Entdeckung der Dritten Welt in den 1960er und 1970er Jahren*. Stuttgart.

21. См., например, об измерении «Север-Юг" в экуменическом движении в: Krusche, G., Stöhr, M., Dejung, K.H. (2001) "Der Ökumenische Rat der Kirchen im Kalten Krieg", Sonderheft *Junge Kirche* 1; Müller-Fahrenholz, G. (2000) "Instrumentalisierung der Theologie zu politischen Zielen? Aspekte des Nord-Süd-Konfliktes während des 'Kalten Krieges'", in H.J. Joppien (Hg.) *Der Ökumenische Rat der Kirchen in den Konflikten des Kalten Krieges*, S. 290–298. Kontexte-Kompromisse-Konkretionen: Frankfurt.

нейтральной силой, хотя в их родных странах Соединенные Штаты и Советский Союз соперничали за политическое, экономическое и военное влияние. Таким образом, постепенно, в течение долгих 1960-х гг., возникали новые альянсы между представителями церквей так называемых первого, второго и третьего миров, а вместе с ними и новые, ориентированные уже не на Европу, теологические и политические акценты — например, в понимании справедливости или социализма. С одной стороны, это привело к тому, что традиционная антикоммунистическая риторика утратила во Всемирном совете церквей силу — самое позднее в 1970-е гг. Однако, с другой стороны, экуменические дискуссии о социализме или коммунизме вышли за пределы Европы или Запада[22].

Смена теологической парадигмы во Всемирном совете церквей

На учредительном собрании ВСЦ в Амстердаме в 1948 г. в качестве лейтмотива была принята концепция «ответственного общества». Важной целью экуменического движения считалось появление демократического, справедливого общества, основанного на индивидуальной ответственности каждого христианина. Однако с 1960 гг. эта концепция все чаще оказывалась под вопросом. Поворотным пунктом стала Всемирная конференция «Церковь и общество», которая состоялась в Женеве в 1966 г. под эгидой ВСЦ. На ней представители церквей из стран «третьего мира» подвергли критике направленную на сохранение стабильности и существующего порядка концепцию «ответственного общества» за ее «западный» характер. Они утверждали, что в условиях драматических социальных и политических переменам, связанных с процессом деколонизации, экуменическое движение должно заняться поисками новых путей, которые позволили бы церквам их стран принять участие в революционных преобразованиях. Так новую повестку Всемирного совета церквей составили темы развития, гуманизации, прав человека, борьбы с расизмом, освобождения и солидарности с неимущими. Ассамблея ВСЦ в Упсале (1968 г.) приняла решение, согласно которому эти темы должны были быть отражены в программе работы и в структуре Всемир-

22. Подробнее об этом см.: Kunter, K., Schilling, A. (Hg.) *Globalisierung der Kirchen. Der Ökumenische Rat der Kirchen und die Entdeckung der Dritten Welt in den 1960er und 1970er Jahren*).

ного совета церквей. Под влиянием растущего числа представителей «третьего мира» дискуссии, порожденные конфронтацией восточного и западного блоков, с 1970-х годов постепенно прекратились, а тема конфронтации если и обсуждалась, то лишь в глобальном контексте. Во Всемирном совете церквей возникли новые формы деятельности (например, акции помощи в так называемом конфликте вокруг Биафры, программа борьбы с расизмом, программа преодоления неграмотности под руководством Паулу Фрейре). Дальнейшими точками политизации экуменического движения стали, например, учреждение Церковной службы развития или проведение Всемирной миссионерской конференции в Бангкоке в 1972–1973 гг., где жестким нападкам подвергся неоколониализм западного христианства.

В 1960–1970-е гг. серьезные трансформации происходили не только в сфере программной работы ВСЦ, но и в экуменической теологии. Если в 1920-е гг., в начальной фазе экуменического движения, оба его направления — «Вера и порядок» и движение «практического христианства» — представляли раздельные области теологии и христианского социального служения, то теперь внутри Всемирного совета церквей произошло слияние этих направлений. Это привело к появлению новой угрозы: не окажется ли так, что «за «горизонталью» церковного попечения о мире потеряется собственная жизненная основа Церкви — «вертикаль», то есть отношения с Богом?»[23]. Показательная дискуссия на эту тему прошла на конференции комиссии ВСЦ «Вера и порядок» в 1971 г. в Лувене между русским православным богословом протоиереем Иоанном Мейендорфом и латиноамериканским реформатским теологом Хосе Мигесом Бонино. Критика доклада Мейендорфа со стороны Мигеса Бонино была предельно ясна: не уход в теологизирование, а только вовлеченность в конфликты мира может объединить церкви, а вместе с ними и человечество. Это предполагает теологию «снизу», то есть теологию из перспективы креста. В дальнейшем экуменическая теология претерпела кардинальную смену парадигмы, все более ориентируясь на церковь неимущих и на латиноамериканскую теологию освобождения. Это означало радикальный отказ (отчасти вынужденный) от англосаксонского либерального понимания прав человека, которое

23. Об этом подробно и развернуто см. в: Mateus, J.P. (2014) “José Míguez Bonino and the Struggle for Global Christian Unity in the 1970s”, in K. Kunter, A. Schilling (Hg.) *Globalisierung der Kirchen. Der Ökumenische Rat der Kirchen und die Entdeckung der Dritten Welt in den 1960er und 1970er Jahren*, S. 237–254. Stuttgart.

до тех пор доминировало во Всемирном совете церквей. На смену пришли дискуссии вокруг второго поколения прав человека — социальных прав, а в их контексте — вокруг социальной справедливости. Это изменение ориентации определили три главных фактора: (1) параллельные дискуссии в различных организациях ООН (офисы ВСЦ в Женеве расположены в непосредственной близости от дочерних организаций ООН; между ними и ВСЦ имело место институциональное и межличностное взаимодействие); (2) связанное с деколонизацией возрастание числа представителей церквей из так называемого «третьего мира», страстно отстаивавших приоритет «социальной справедливости»; (3) повышение роли вполне лояльных своему государству представителей ГДР и других стран социалистического лагеря, которые активизировали политические дискуссии о социальных правах человека и тем самым завоевывали симпатию со стороны представителей «третьего мира».

Заключение

Изложенные выше соображения подтверждают сформулированный в начале тезис о том, что холодная война может служить метанарративом истории Всемирного совета церквей. Политическая биполярность придавала «экзистенциальный» смысл экуменизму — с его возможностями диалога между Востоком и Западом, а также Севером и Югом. С одной стороны, христианская убежденность в том, что политические границы не полагают предела христианской общине, выполняла смыслообразующую роль и позволяла существовать экуменическому сообществу. Однако, с другой стороны, она же затрудняла реакцию на динамику актуальных процессов. Сохранению статус-кво в Европе придавали большее значение, чем поддержке способствующих его разрушению христианских диссидентов или христианских освободительных и гражданских движений в Центральной и Восточной Европе.

Перевод с немецкого Марии Храмовой

Библиография / References

Hogebrink, L. (2007) “Ökumene und Kalter Krieg. Ein Erfahrungsbericht”, in J. Garstecki (Hg.) *Die Ökumene und der Widerstand gegen Diktaturen. Nationalsozialismus und Kommunismus als Herausforderung an die Kirchen*. Stuttgart.

Chadwick, O. (1992) *The Christian Church in the Cold War*. London.

Besier, G. (1999) *Armin Boyens und Gerhard Lindemann, Nationaler Protestantismus und ökumenische Bewegung. Kirchliches Handeln im Kalten Krieg 1945–1990*. Berlin.

Bremer, T. (2003) “Die ökumenische Bewegung während des Kalten Krieges — Eine Rückschau”, *Theologische Revue* 99: 177–190.

Maser, P., Schjørring, J.H. (Hgg.) (2002) *Zwischen den Mühlsteinen. Protestantische Kirchen in der Phase der Errichtung der kommunistischen Herrschaft im östlichen Europa*. Erlangen.

Schjørring, J.H., Lehmann, H. (Hgg.) (2003) *Im Räderwerk des real existierenden Sozialismus. Kirchen in Ostmittel- und Osteuropa von Stalin bis Gorbatschow*. Göttingen.

Maser, P., Schjørring, J.H. (Hgg.) (2003) *Wie die Träumenden? Kirchen in der Phase des Zusammenbruchs der kommunistischen Herrschaft im östlichen Europa*. Erlangen.

Kunter, K., Schjørring, J.H. (Hgg.) (2007) *Die Kirchen und das Erbe des Kommunismus. Die Zeit nach 1989 — Zäsur, Vergangenheitsbewältigung und Neubeginn. Fallstudien aus Mittel- und Osteuropa und Bestandaufnahme aus der Ökumene*. Erlangen.

Laine, A.T. (2015) *Ecumenical Attack against Racism: The Anti-Racist Programme of the World Council of Churches, 1968–1974*. Helsinki.

Peipponen, M. (2012) *Ecumenical Action in World Politics. The Creation of the Commission of Churches on International Affairs (CCIA), 1949–1949*. Helsinki.

Merilainen, J. (2012) “Whose Dollars, his Religion”: The WCC, the LWF, and the Reconstruction of European Protestantism in the Early Cold War years, 1945–1948”, *Communio viatorum* LIV: 14–24.

Meriläinen, J. (2010) “Die finnischen Orthodoxen “zu Diensten der Regierung der Vereinigten Staaten”: Patriarch Athenagoras als Botschafter des Westens 1949”, *Kirchliche Zeitgeschichte* 23: 290–303.

Ferner die Aufsatzsammlung “Christliche Beiträge zur Europäischen Integration — Die politische Rolle der Kirchen” (2006), *Kirchliche Zeitgeschichte* 19.

McLeod, H., Saarinen, R., Lauha, A. (2006) *North European Churches. From Cold War to Globalisation*. Tampere.

Hedwig, R. (2011) “Der Protestantismus und das linksrevolutionäre Pathos. Der Ökumenische Rat der Kirchen in Genf im Ost-West-Konflikt in den 1960er und 1970er Jahren”, *Geschichte und Gesellschaft* 36: 408–436.

Kirby, D. (Hg.) (2003) *Religion and the Cold War*. Basingstoke; Greschat, M. (2000) “Ökumenisches Handeln der Kirchen in den Zeiten des Kalten Krieges”, *Ökumenische Rundschau* 29: 7–25.

Die Unordnung der Welt und Gottes Heilsplan. Ökumenischer Rat der Kirchen (1948). Tübingen/Stuttgart.

Ökumenischer Rat der Kirchen (Hg.) (1948) *Amsterdamer Dokumente. Berichte und Reden auf der Weltkirchenkonferenz in Amsterdam 1948*. Bethel.

Overmeyer, H. (2005) *Frieden im Spannungsfeld zwischen Theologie und Politik. Die Friedensthematik in den bilateralen Gesprächen von Arnoldshain und Sagorsk*. Frankfurt a.M.

Human Rights and Christian Responsibility (1975). Geneve: Commission of the Churches on International Affairs (CCIA).

Kunter, K. (2000) "Die Schlussakte von Helsinki und die Diskussion im ÖRK um die Verletzung der Religionsfreiheit in Ost- und Mitteleuropa 1975–1977", *Ökumenische Rundschau* 49: 43–51.

Koshy, N. (1992) *Religious Freedom in a Changing World*. Genf.

Metodiev, M. (2010) *Between Faith and Compromise. The Orthodox Church and the Communist State in Bulgaria*. Sofia.

Leustean, W.L.N. (ed.) (2010) *Eastern Christianity and the Cold War 1945–1991*. New York.

Richter, H. (2011) "Der Protestantismus und das linksrevolutionäre Pathos. Der Ökumenische Rat der Kirchen in Genf im Ost-West-Konflikt in den 1960er und 1970er Jahren", *Geschichte und Gesellschaft* 36: 408–436.

Kunter, K., Schilling, A. (Hg.) (2014) *Globalisierung der Kirchen. Der Ökumenische Rat der Kirchen und die Entdeckung der Dritten Welt in den 1960er und 1970er Jahren*. Stuttgart.

Krusche, G., Stöhr, M., Dejung, K.H. (2001) "Der Ökumenische Rat der Kirchen im Kalten Krieg", *Sonderheft Junge Kirche* 1.

Müller-Fahrenholz, G. (2000) "Instrumentalisierung der Theologie zu politischen Zielen? Aspekte des Nord-Süd-Konfliktes während des "Kalten Krieges", in H.J Joppien (Hg.) *Der Ökumenische Rat der Kirchen in den Konflikten des Kalten Krieges*, S. 290–298. Kontexte-Kompromisse-Konkretionen: Frankfurt.

Mateus, J.P. (2014) "José Míguez Bonino and the Struggle for Global Christian Unity in the 1970s", in K. Kunter, A. Schilling (Hg.) *Globalisierung der Kirchen. Der Ökumenische Rat der Kirchen und die Entdeckung der Dritten Welt in den 1960er und 1970er Jahren*, S. 237–254. Stuttgart.